

ТОС

ТОС	2
1. Портал.	3
2. Земли без королей.	8
3. Враг и союзник.	11
4. Пустой замок.	15
5. Гарет.	19
6. Тень будущего.	24
Примечание к части	28
7. Обещание прошлого.	29
Примечание к части	32

1. Портал.

Он плохо спал в ночь перед условленным утром, порывался подняться или ворочаться, но не хотел будить сладко спящую под боком жену. Легонько целовал ее волосы, стараясь так перенять немного ее спокойствия. Сперва помогало, а потом лихорадило снова. Вернуться домой. Не так уж много в его жизни было того, чего Дэвид желал бы с такой страстью.

Снежка даже во сне она чувствовала нервное состояние мужа и проснулась. В комнате стоял кромешный мрак. Шторы были задернуты, не пропуская и лучика света, но Белоснежка чувствовала, что еще не рассвело. У них оставалось достаточно времени, чтобы попрощаться...

Они встретились у припорошенной снегом колеи, как было условлено, едва начало светать. Вещей при себе у Дэвида было немного - запас еды на три дня, пара теплых свитеров, необходимые мелочи; у гномов удалось честно выторговать длинный кинжал, который сошел бы при случае и за короткий меч, пистолет, крепко подумав, он тоже прихватил, договорившись с собой не пользоваться этим оружием без нужды. Если ему повезет, то деревня в дне пешего пути от моста не исчезла за тридцать лет, там он найдет подходящую одежду и ночлег. Если чуть менее повезет, придется вспомнить, что такое зимняя охота.

Снежка стояла рядом с Прекрасным на тропинке, покрытой тонким слоем снега. Осадков не предвиделось, на улице было морозно и сыро. Белоснежка поежилась и по сильнее укуталась в подаренный мужем шарф. Красный цвет на фоне черного пальто. У Прекрасного был такой же шарф, но дома он мог привлечь слишком много внимания. Дом. Она так мечтала вернуться домой вместе с семьей, что происходящее сейчас казалось каким-то нереальным сном. Возможно, в этом немалою играло то, что пространство было серое и в душе жило слишком много эмоций. Она не могла пойти с мужем домой из-за беременности, она боялась того, что может его подстеречь в Зачарованном Лесу. Расставание, пусть и на смешные две недели, лежало тяжким грузом на сердце. Господи, люди расстаются на гораздо более долгие сроки, и ничего, но другие не были вдали друг от друга почти целую жизнь. Они обсуждали это много раз, но Снежка все равно боялась. Ей нужно было успокоиться. И как бы ни было тяжело, она должна проводить мужа.

Они пришли, выбрав время, когда небо просветлело от первых солнечных лучей и никто из города не последовал бы за ними. Знакомый мост, знакомое место, стянутое чарами пространство. Мерлин оставил друга в стороне и подошел ближе, распознавая собственные чары, очертил в воздухе известный лишь ему знак, заставляя воздух расступиться вновь. Через миг открылся вид на берег другого мира. Чары, наложенные на мост, сохранили его. Все было тихо.

- Все готово, друг, - сказал он, обернувшись к Принцу. - У тебя есть время, как мы договорились, в условленный час я открою портал снова и выведу тебя оттуда. Ну что, готов?

У Дэвида пересохло в горле от волнения, когда Мерлин открыл портал. Мост был все тот же, что он помнил; может, чуть более оплетенный голыми стеблями плюща, чуть более заброшенный... деревья вокруг него стали выше, но и их Дэвид смог бы узнать. И небо над ними, не по-зимнему высокое и чистое, не похожее на угрюмое и грузное небо этого мира.

Дэвид пожал плечами - удивленно и безразлично разом; к чему бы он ни был готов

сейчас, по ту сторону его ждет непредсказуемое.

- Да, - он похлопал по рюкзаку, закинутому на плечо. - У меня при себе механические часы, буду отсчитывать время по оборотам. Мы же не знаем, одинаково ли оно течет дома и здесь. Через две недели я буду на мосту.

Идея с часами была верной и маг одобрительно кивнул. Сам он мало обращал внимание на время. Порой даже слишком.

Белоснежка ощутила, как воздух движется вокруг, и увидела, нечто странное. Казалось, ткань пространства расходится, образуя дыру, за которой... Боже мой. Она почти покачнулась и шагнула совсем близко к мужу. Это же дом! Тот самый мост! Деревьев она не помнила, но мост остался в памяти навсегда. Сложно забыть место, где влюбилась на всю жизнь.

На глаза навернулись слезы. Сердце сжалось и забилось быстрее. Из портала вырвался ветер, который принес родной запах земли, леса. В последний раз Белоснежка ощущала его, когда рушился ее мир вместе с их замком под натиском фиолетового тумана под аккомпанемент смеха Регины. Неприятные воспоминания наложились разом, пришлось помотать головой и посмотреть на мужа. Прекрасный смотрел только вперед.

Белоснежка молча взяла его за руку и прижалась лбом к плечу. Они уже все сказали друг другу, уже попрощались. Осталось самое сложное: смотреть, как он уходит домой, в неизвестность.

- Хорошо, ровно через две недели, - Мерлин вынул телефон, нажал на кнопку, чтобы увидеть на экране точное время. - Сейчас восемь тридцать. Я открою портал в это время.

- Главное не забыть подводить часы, - Дэвид рассмеялся. - Мне нравится механика, она не подводит.

- И да, если через две недели тебя не будет на мосту, мне придется отправить Снежку к моей сестре и пойти за тобой следом, - шутливо предупредил Мерлин. - Так что постарайся не опаздывать.

- Матерь божия! Даже в шутку такого не говори, surfaill (друг, валлийский), - его и впрямь передернуло. - Если только у тебя не заготовлен запас волшебного зелья для возвращения памяти.

Мерлин выразительно взглянул на Дэвида и согласно кивнул. Шутка шуткой, но случись подобное на самом деле проблема с памятью, отнимаемой Сторибруком, была не самым трудным испытанием. К счастью, каледонский источник все еще существовал, но думать обо этом было рано.

- Я присмотрю за ними, - пообещал маг, встав рядом со Снежкой.

Она старалась держаться. Дэвид тоже старался. Вряд ли бы он решился на вылазку в Зачарованный Лес в такой важный для них момент не останься рядом со женой Мерлин. В сказочном мире, откуда едва ли не все темные маги переместились в Сторибрук, было пожалуй безопаснее, но вряд ли спокойно...

Снежка прижималась к его плечу, Дэвид чувствовал ее тревогу. Ее тоску. Ее страхи. Ее болезненно-восторженное ошеломление, похожее на то, что испытал и он два дня назад, когда увидел, как приоткрывается, словно занавес в театре, расходится крупными складками в стороны ткань мироздания, давая заглянуть в родной дом, считавшийся потерянным навсегда...

Дэвид старался утешить ее, как мог, пока они были наедине, теперь оставалось только обнять ее, привлечь поближе. Он не меньше сотни раз повторил ей, что все будет в порядке, но, похоже, здесь и тысяча повторов не помогла бы.

- Береги Джима, - прошептал он на ухо жене, касаясь теплого пальто поверх ее живота.

Поцеловал Снежку в холодную с мороза щеку. - Со мной ничего не случится. Это же дом. Не грусти больше, чем нужно.

Его прикосновения, шепот пробирали даже сквозь теплое пальто. Она могла лишь кивать в ответ, понимая, что словами не сможет выразить всех чувств. Она будет аккуратна, будет следить за всем, что творится вокруг нее, не будет попадать в неприятности. Они обсуждали это множество раз. Прекрасный сам обещал, что с ним все будет хорошо, и Белоснежка верила ему. Она не станет думать о том, насколько опасно может быть дома. Она будет думать о том, что благодаря его чудесному путешествию у них появилась возможность вернуться.

Дэвид выпустил жену из коротких объятий. Погладил ее пальцы поверх перчатки. Растягивать время не было смысла. Лишние слезы - это раз, а два - если кто-то из темных уловит хоть тень происходящего в лесу, все эти стервятники слетятся сюда, а драка - плохое времяпровождение для будущей матери. Снежка не пошла следом, осталась стоять на месте, кусая губы. Дома было хорошо и тепло, зацвел первоцвет, пробивались подснежники. Здесь было холодно и сыро... Она поежилась, глядя на мужа.

- В восемь тридцать ровно через две недели, - напомнил Дэвид на прощание. - Жена, я люблю тебя, - он улыбнулся ей и переступил границу между мирами.

- Люблю тебя, муж, - у нее получилось улыбнуться. - Буду ждать тебя. Мы, - она положила ладонь на живот, - будем ждать тебя здесь. Возвращайся.

- Удачи, друг! - Мерлин махнул рукой, и, дождавшись пока Дэвид сойдет с моста, вновь начертил в воздухе невидимый знак. Морозный воздух по краям арки дрогнул, стягивая открытый проход в Сказку, вновь отгораживая серый, заснеженный Сторибрук от светлого дня другого мира. Ни теплого ветра, ни запахов талой воды и нагретой земли. Одна лишь слякоть и ненастье.

- Две недели - это быстро, - маг взглянул на Снежку, надеясь её ободрить.

Он протянул ей руку, чтобы помочь добраться по рыхлому, подтаявшему снегу до машины.

- Давай провожу тебя.

Она смотрела вслед мужу, пока ткань мироздания не соединилась под чутким вниманием Мерлина. Слезы солеными дорожками прокатились по щекам. Белоснежка вытерла их варежкой и выдохнула в морозный воздух. Сейчас не время плакать, нужно держать себя в руках.

- Да, - она посмотрела на Мерлина и тихо улыбнулась. - Конечно, это не двадцать восемь лет. - Спасибо, мой друг, - молодая королева приняла руку мага, и они вместе направились в сторону машины, стоящей в стороне. - Нам нужно сообщить Эмме. Она наверняка волнуется, - посмотрела вокруг. - Хотя еще рановато.

Мерлин накрыл её варежку своей ладонью. Ободряюще пожал.

- Если хочешь, я могу сказать Эмме. Все равно собирался звонить ей, чтобы узнавать нужен ли я в участке, - Мерлин открыл дверь на пассажирское сидение машины. - Садись, я довезу тебя домой.

- Хорошо, расскажи ей, - Белоснежка уселась, пристегнула ремень. - Передай привет от меня. Я буду не против встретиться после школы. Сегодня не очень много занятий. Пусть она позвонит.

Ключи были оставлены Дэвидом в зажигании, как временное наследство. Еще не остывший мотор быстро завелся, и форд медленно сдал задом, выезжая из прорытой им в сугробе колеи на заснеженную дорогу. Мост медленно поплыл назад. Белоснежка провожала его взглядом, пока шею не свело от напряжения. Потом уставилась в лобовое стекло, откинувшись на спинку сидения.

Две недели. Она начала отсчет.

Когда машина с тихим шорохом остановилась на подъездной дорожке около дома, Белоснежка отстегнулась и посмотрела на Мерлина.

- Спасибо тебе, Мирддин, спасибо за все. Что бы мы без тебя делали? - улыбнулась немного нервно.

Мерлин улыбнулся в ответ. Ему всегда нравилось, когда она называла его полным именем, а не прозвищем, привычным большинству.

- Не за что, все всегда возвращается на круги своя, - он потрепал ее по руке. Снежка выглядела подавленной, ей лучше побыть сейчас одной.

- Я рада, что ты смог добраться до нас и теперь у нас есть возможность попасть домой. Я всегда на связи. Передавай привет Эмме, - она открыла дверь и вышла из машины. - До свидания.

Мерлин помог подруге выйти из машины, затем нажал на кнопку брелка-сигнализации, блокируя двери. «Боевой конь» Прекрасного Принца отозвался сигналом и покорно щелкнул замками. Осталось вручить Снежке ключи.

- Хорошо. Как только увижу Эмму. До встречи! - он улыбнулся, протянув ей брелок, - Я всегда рядом.

Махнув рукой от дороги, Мерлин поднял воротник пальто и зашагал вверх по улице к собственному дому мимо зажигающихся светом окон коттеджей.

Она помахала ему вслед и направилась к дому. Отперла все замки, на которые предусмотрительно закрыл дверь муж, переступила порог и устало прислонилась к закрывшейся двери. Сил ни на что не осталось, хотелось плакать. Встряхнувшись, Белоснежка сняла верхнюю одежду, разулась, прошла на кухню, где проглотила кусочек яблока и выпила стакан воды.

Без Прекрасного дом сразу стал пустым. Она и не задумывалась над этим, пока не услышала давящую тишину. Мэри Маргарет двадцать восемь лет прожила одна в изо дня в день повторяющихся событиях, изменяющихся незначительно лишь по воле злого разума, а потом Проклятье спало, и Прекрасный снова заполнил жизнь Белоснежки. Сейчас она как никогда ощущала его отсутствие.

- Нечего раскисать, - сама себе сказала она, ставя стакан в раковину. Сил споласкивать его не было, она сделает это попозже. Сейчас стоит немного поспать, чтобы отдохнуть перед занятиями.

Постель хранила их обоюдный запах. Переодевшись в свою любимую его рубашку, Белоснежка нырнула под одеяло, поставила будильник и зарылась носом в подушку мужа. Перед тем, как уснуть, она погладила выступающий живот и прошептала: «Папа скоро вернется к нам, Джим. Ты не успеешь соскучиться».

В спину последний раз повеяло промозглым холодом - и пространство за ним схлопнулось. Дэвид машинально повел в воздухе рукой, ожидая, что натолкнется на невидимую преграду, но ее не было, пальцы насквозь рассекли пустоту.

Ни следа портала.

Проклятый мир, в который их зашвырнули и в котором заперли в клетку, как зверей, чтобы наблюдать за повадками тех, чья память и сама суть была искорежена по воле чужого извращенного сознания, - этот проклятый мир оказался отделен от него так, словно не существовал вовсе.

Здесь пахло предвестьем весны, разбухающей от талой воды землей, мокрой осенней листвой, тут и там выступающей из проталин вперемешку с молодыми листьями и бутонами первоцвета. Дэвид закрыл на несколько мгновений глаза, втянул воздух полной

грудью. Солнечный свет обливал его с ног до головы.

Мост постарел, но не одряхлел; поддался молодым побегам вьюна и плюща, позволил им играючи оплести себя - так вокруг крепкого бывалого вояки вьется молодняк, только-только позволивший себе возмечтать о подвигах. Здесь они со Снежкой впервые заглянули вдвоем в свое будущее, неизбежное и прекрасное, будущее, в котором между ними случится многое, но любовь будет превыше всего; что такое двадцать восемь лет для бессмертной любви и для ее незыблемого свидетеля!

Лес впереди стал чуть выше и без листьев, как всегда, казался прореженным. По кромке его покачивались на теплом ветру длинные тонкие серьги орешника. Все, как он говорил; боже, он помнил, наверное, каждую песчинку на берегу реки, с берега на берег которой было перекинуто каменное полотно.

Дэвид шагнул навстречу всему этому с моста, опустился на колени на выступающие из земли просохшие камни, зачерпнул рыхлого, ослепительно белого снега ладони и уткнулся в него лицом.

- Я дома, - прошептал, откинув голову и ощутив, как потекла по лицу и по шее вода, смешиваясь со слезами и попадая за ворот. - Я дома. Ты должна быть здесь, радость моя. Ты должна быть здесь.

2. Земли без королей.

Следы колес были свежие и вели по дороге, которую он хорошо помнил. Колея в ней пролегла новая, но густо замешанный на глине подтаявший снег уже превратил ее в грязно-коричневое месиво, подмерзшее по краям на теневой стороне. Дэвид прикинул, когда повозка могла пройти здесь в последний раз. Вряд ли позднее прошлого вечера, но колея глубокая, значит, ездят здесь часто. Есть надежда, что деревня по-прежнему стоит на прежнем месте.

Ему понадобилось около двух часов, чтобы выйти к первым домам; за это время Дэвид заметил в лесу и другие следы, не сказать чтобы неожиданные - помимо звериных и человеческих, конечно, - уродливые косые отпечатки огромных лап. Огры. И поменьше, но очень схожие, с вмятинами когтей. Тrolли. Ветви деревьев местами были обломаны, как когда зверь, не глядя, проламывается сквозь чащу, убегая от охотников, вот только для зверя было высоковато. Встретились и пара поваленных, вывороченных из земли деревьев.

Насколько свободно они шарятся по его землям?

Прошло почти тридцать лет. Следовало ожидать чего-то подобного. Их королевство всегда было лакомым кусочком. Но след в колее был явно свежее, это успокаивало. Деревня стояла на прежнем месте и расширилась не больше, чем на десяток домов. Большую часть Дэвид помнил, даже назвал бы хозяев по именам. Теперь хозяева, скорее всего, другие. Некоторые, наверное, еще не родились, когда проклятие накрыло королевский замок. Тридцать лет, снова подумал Дэвид, оглядывая бревенчатую и кирпичную кладку домов, примечая, где старая, а где новая; успело вырасти целое поколение. Попробуй, убеди его в своей реальности.

Тишина настораживала, пока он медленно, не прячась шел между рядами домов. За живыми изгородями, каменными заборами, штакетниками - ни звука, но он чувствовал движение вровень с собой по обе стороны.

Это и заставило взглянуть внимательнее во все, что вокруг, заметить то, что с первого взгляда осталось сокрытым, - черные ожоговые пятна там и тут, иные дома, победнее, испещрены ими - у фундамента совсем густо, все реже к крыше, как если бы палы пускали снизу.

Пожар. Но лес вокруг не тронут, значит, это не молния в грозу воспламенила случайное сухое дерево. Не дракон, в конце концов.

Деревню жгли.

Он осознал это, казалось, бесконечно медленно - пока кто-то неосторожный не скрипнул дверью за спиной.

- Кто здесь, эй!

Его окружили - несколько подростков, несколько мужчин. Вид у них был угрожающий, но Дэвид и бровью не повел. Если бы его хотели убить, то уже убили бы.

- Ты кто такой? - спросил один, постарше и повыше остальных. - Что тебе надо?

Не таким он запомнил их королевство в последний раз, перед тем, как Проклятие вырвало их отсюда. Запомнил на пороге Золотого века - воспрянувшее после войны, с обновленными союзами, с заполненной казной, с цветущими полями, под рукой королевы с самым чистым сердцем.

Ни следа этого не было вокруг; только бедность, злоба и страх. Дэвид чуял его, как собака, - горько-соленый до тошноты, клейкий запах холодной испарины на лбу и между лопаток, запах обреченного ожидания и отчаяния. Запах страха, приходящего ночью, когда нет укрытия, и вся темнота скалится невидимыми черными клыками, готовая

впитаться в душу. Страхом так и несло от голодных лиц, от поношенных холщовых одежд, потертых меховых жилеток.

От наставленных на него вил страхом тоже несло, будто он и железо здесь пропитал. Неужели Проклятие вырвало их с корнем?

- Обыскать, - велел вожак деревенской армии.

Чьи-то ладони бегло прохлопали по его бокам и спине.

- Есть! - прозвучало сзади, по звонкому голосу Дэвид определил - мальчишка, едва ли старше Генри.

Из-за пояса вытянули нож, на боку расстегнули кобуру. Дэвид мысленно благословил привычку держать оружие на предохранителе. Мальчишка проскользнул у Дэвида под рукой, протянул вожаку находки.

- Как тебя звать? - спросил у него Дэвид, но пацаненок только шмыгнул носом.

- Здесь я задаю вопросы, - ответил вместо него вожак. Повертел в руках найденное оружие. - Маловато для нападения, чужак.

Это "чужак" скрипнуло у Дэвида на зубах, перемальваемое в пыль.

- Я не чужак, - спокойно ответил он. - Я из этих мест. Но я давно здесь не был.

- Оно и видно, - прозвучало недружелюбно. - Я Джек, а это мой сын, Юджин.

Мальчишка шмыгнул носом, из-под нечесаной взъерошенной челки глянул на Дэвида, но в ответ получил сдержанную улыбку. Его отец с сомнением вертел в руках пистолет. С еще большим сомнением поглядывал на Дэвида; пока тот не понял наконец, во что одет. Джинсы, кожаная куртка на меху, прорезиненные ботинки в пейзаж с покосившимися заборами и захлопнутыми наглухо деревянными ставнями вписывались плохо.

Немудрено, что его не принимают за своего.

- Что это?

- Пистолет, - он задумался, как объяснить. - Такой железный лук для одной руки, только вместо стрел у него огненные ядра.

- Покажи.

- Укажи цель, - Дэвид протянул руку за пистолетом.

Джек нахмурился, повел взглядом вокруг.

- Вон тот флюгер, - ухмыльнувшись, указал на крышу крайнего из домов и вернул оружие. Дэвид прикинул расстояние. Снял предохранитель с крючка, машинально проверил магазин. Прицелился.

Грянул выстрел.

Флюгер опрокинулся. Донесся отзвук глухого стука, с которым он скатился по крыше. Над стволом поднимался дымок, Дэвид опустил руку с пистолетом. Кто-то из парней бросился поднимать своеобразную добычу, вернулся бегом. Место, где пуля ударила в древко, чуть опалилось.

Юджин уважительно присвистнул.

- Нам бы такое пригодились от гоблинов.

- Гоблинов?

Джек неожиданно всохотнул и хлопнул его по плечу.

- Ты и впрямь тут давненько не был!

- Последний раз до Проклятия, - проговорил Дэвид.

Понадобилось не меньше получаса, чтобы выслушать рассказ Джека. Молча - добавлять или выспрашивать было нечего. Проклятие накрыло замок и часть королевства - там, где протянулся его густо-фиолетовый с черными прожилками, весь в зловещих стальных проблесках след; но в чуждый мир перенесло только тех, кто был в замке - тех, кто выжил в замке, про себя поправил Дэвид. По ночам они умирали вокруг него снова и

снова, рыцари королевской гвардии, его братья, плечом к плечу с которыми вопреки всему и всем была отвоевана страна, - только ради того, чтобы столица стала их братской могилой. Его самого достали из этой могилы в последнее мгновение. А Гарета - нет. Эта рана, перешагнувшая вместе с носителем через тридцать лет, вдруг оказалась еще слишком свежа.

Когда воронка темного дыма схлопнулась над крышами королевского замка, те, кого она не тронула, осмелились пройти по мосту к разнесенным тараном воротам, мимо них - на столичные площади, показавшиеся мертвыми. Впрочем, обезлюдевшую, с погасшими фонарями столицу и впрямь пронизала смерть, кровью пахло в воздухе, кровь напитала мостовые; в тишине пытались дозваться живых, но слышали только эхо вдоль каменных улиц и из распахнутых окон.

Отчаявшись узнать, что случилось, погибших предали земле, а когда попытались покинуть границы, в которых похозяничал фиолетовый дым, оказалось, что их отделяет от остального мира невидимая стена, которую было не пройти, не обойти, не пробить. И кто бы ни пытался их искать, проходил мимо, словно ему отводили глаза.

Но времена года сменяли друг друга даже внутри границ, очерченных магией, обновилась листва и трава, земля дала урожай, а зверье в лесу, рыба и скотина - новое потомство, и только для людей время застыло. Случайные безымянные жертвы, кто принимал их в расчет? Родители умерли, дети выросли, мужья и жены состарились. Как близко это подошло к нам, подумал Дэвид. Что он понимал, когда предлагал жене пройти через шкаф еще до рождения Эммы? Ничего. Инстинкты требовали от него спасения самого дорогого, заглушая намертво любые доводы и попытки предвидения. Снежка ждала бы его до гробовой доски, в этом Дэвид был уверен; но что они сказали бы друг другу, когда для нее прошли бы тридцать лет, а для него - все равно что один день? Хотя, повернись так, он бы навсегда остался в замке.

Многие по ту сторону от чар, продолжал Джек, не выдержали и покинули эти места. Кое-кто оставался, конечно, в надежде снова встретиться с близкими, но все же королевство пустело. Какое-то время слухи о неведомом Проклятии, поглощающем все живое на своем пути, берегли эти земли, но вскоре стали бесполезны. С гор на севере пришли гоблины, разоряя все на своем пути; кто успел, попрятался в лесах, но успели не все (на это месте рассказчик неловко прочистил горло, а его сын ткнулся вихрастой башкой в отцовское плечо). Гоблины заправляли в королевстве добрых лет двадцать, разоряли и жгли все на своем пути забавы ради.

Потом невидимая стена вдруг исчезла; так они поняли, что Проклятие уничтожено, где бы ни было сейчас. Но те, кого оно унесло с собой, так и не возвратились. Оставшимся удалось сплотиться и отбивать атаки гоблинских орд, но военное умение и силы были не слишком велики; на одну победу три поражения - не самый лучший расклад.

- Мне нужно попасть в замок, - дослушав, сказал Дэвид. - И побыстрее. У вас есть лошади?

- Есть парочка, - уклончиво ответил Джек, - но никто не отдаст тебе одну за просто так. Вот тут он пожалел, что не прихватил у гномов никакой безделушки, сгодившейся бы в обмен.

- Но за вот эту штуку, за твой железный лук, мы бы сговорились.

- И как же я буду отбиваться от гоблинов, если останусь безоружным? Не пойдет.

- Тогда иди пешком, - пожал плечами Джек.

3. Враг и союзник.

И все-таки он поехал верхом.

Лошадь удалось выторговать за охотничьи трофеи. Уговор был простой - все, что настреляет чужак, а там посмотрят. Ужин и ночлег - даже если не настреляет ничего, о гостеприимстве здесь еще не забыли, хотя гоблины заметно поубавили его щедрости. В конце концов Джек решил, что хоть весенние зверь и птица тощи и костей в них больше, чем мяса и жира, перо и шкуры тоже не шибко хороши, пух весь вылез, а рога еще толком не отросли, но лось, два волка и три глухаря - годный обмен, полезнее стреляющего громом оружия, к которому у них нет снарядов, и ударил по рукам с чужеземцем. Хотя по лицу предводителя деревенского воинства было ясно - обещанию вернуть лошадь целой и невредимой он не поверил.

Дэвида забавляло, что никто его так и не узнал. Впрочем, правителей редко знают в лицо в мире, где связь между целыми городами глохнет от вестника до вестника, от птицы до птицы.

К ночи он порядком устал, но деревенский эль, ржаные лепешки из печи и мягкий полурассыпчатый сыр из овечьего молока, позабытый за тридцать безвременных лет вкус которых показался необыкновенным, быстро вернули силы. По свежему воздуху и молодому весеннему солнцу охота выдалась славной, хотя и отняла порядком времени. Но о потраченном Дэвид не жалел, понемногу в уклончивых ответах на редкие вопросы нащупывая настроения и чаяния.

Мир, в котором они были заточены столько лет, был Землей без магии, а их родной мир за это время превратился в Землю без надежды, а те, кто его населял, ходили на заблудившееся стадо, выживающее, как придется, в буреломе в окружении хищников. Конечно, это только одна деревня, но.

Он усмехнулся; пастушечьи сравнения, под ж ты. Засыпая под двумя овчинами в сене, колком с непривычки, инстинктивно поискал рукой Снежку рядом. Они никогда не спали отдельно... пока были собой. Ей бы к лицу было оказаться здесь летом, когда полна и тепла июльская луна, полосы ее света тянутся сквозь щели между досками к белоснежной коже в вырезе домотканого платья, соломинки и сухие цветы застревают в черных волосах, спадающих вдоль спины, а воздух прян и душист, как...

Он проснулся среди ночи от шороха, скользнувшего по сухим стеблям, от ощущения чьей-то нависшей тени. В один почти бесшумный бросок, наощупь вскочил и повалил тень. Тень оказалась щедушна, не особо брыкалась и только что пискнула, не то испуганно, не то протестующе, и Дэвид выпустил ее. Точнее, его - вчерашнего верткого и смурного мальчишку.

Дэвид покачал головой.

- Я же убить могу, дурень, - ругнулся беззлобно.

- Угу, - мальчишка шмыгнул носом, опасливо отполз на шаг, потер коленку, подобрал под себя ноги.

- Сильно приложил?

- Отец и посильнее может, - пробурчал Юджин, и Дэвид негромко рассмеялся.

- Чего тебе? - спросил, похлопав по овчине рядом с собой. Юджин все так же опасливо переместился на нее, блестя в темноте глазами.

- Я с тобой завтра сбегу, - решительно заявил он.

Дэвид аж моргнул.

- И как же ты это сделаешь?

- Коня скраду, - насупился Юджин.

О господи, то есть вот это теперь называется - быть отцом сына-подростка?

- Тебе зачем? - вслух спросил Дэвид.

- Посмотреть, что за лесом, - мальчишка насупился еще сильнее, начиная понимать, что затея вряд ли выгорит. - И вообще...

- Воровать нельзя, - Дэвид оперся на колено. - Особенно у отца. Тебя не учили?

- Не возьмешь с собой - так и скажи, - обидчиво огрызнулся Юджин. - Чего болтать-то... Дэвид вздохнул.

- Без разрешения твоего отца - нет. И потом я сам не знаю, что сейчас за лесом. Может, я и себя-то защитить не смогу.

Юджин сопел, крошил пальцами травинки и каждым вихром выражал несогласие.

- Но если мне повезет, - смягчился Дэвид, - то я вернусь и возьму тебя в оруженосцы.

Тогда посмотришь и на то, что за лесом, и на то, что за морем. Идет?

Юджин еще посопел для порядка.

- А ты рыцарь? - покосился исподлобья.

- Рыцарь.

- Вре-ооо-ошь, - со знанием дела протянул Юджин. - Те в латах.

Но с предложениями помочь украсть коня и сбежать от отца больше не приставал.

Утром пробирал морозец, восковое солнце за белой дымкой светило, но не грело, и даже облака, казалось, кучковались, чтобы пригреться. Но бледное небо было ясно и обещало распогодиться к середине дня. Лошадь (звали ее Красавка) дали молодую, но уже объезженную и спокойную, она послушно ступала по указке стремян и повода. Какова на быстром ходу, еще предстояло проверить на открытом пространстве; если верить местным, гоблинами кишело все и вся вокруг. От деревни Дэвид держался колеи, но ехал между деревьев, чтобы меньше бросаться в глаза.

Но когда перелесок, наконец, остался позади, когда равнина в темных прогалинах в снегу легла перед ним от пожухлого травяного края до самого взморья, когда потянуло и шибануло в голову солоноватым ветром - а может, и придумался этот ветер, ведь отсюда слишком далеко до воды в желтой зимней пене, чтобы его учуять, - осторожность слетела в один восхищенный выдох, осыпалась в комья чернозема и растаяла в них.

Солнце выступило из-за горного тумана и зажгло снег, заплясало по нему мириадами отблесков, пронзительно слепящих; Дэвид зажмурился, набрал воздуха, сколько хватило места в груди. В горле защекотало холодом, запахами земли и отсыревшей коры.

Дома. Он был наконец-то дома.

Дэвид рассмеялся, задал Красавке шпор, пустил галопом по равнине. Ветер свистнул в ушах, вздыбил красавкину гриву, хлестнул по рукавам и щекам, ударил в горло, заставляя кашлять до слез. По вспененному снегу его несло все ближе и ближе к обледенелому берегу, каждый камень которого он знал, как себя самого, к темной взбудораженной наступлением весны воде. Через две гряды скал откроется залив с замком на каменном утесе...

Радость бесновалась в крови, громыхала в груди и висках. Дэвид ослабил поводья, вовсе их отпустил, раскинул руки, запрокинул голову.

- Я до-ооо-ома!!! - прокричал наливающимся лазурью и теплом небу...

Стрела вонзилась в его левое плечо и от неожиданности едва не вынесла из седла.

Напуганная Красавка понесла, а его мотало в седле. С непривычки боль оглушила чуть не полубоморока, и Дэвид выкарабкался из нее, как по канату, по одной-единственной мысли: дурак, ну каков дурак, это ж надо было так очуметь от радости, так подставиться... Он схватил поводья правой рукой, куда левая висела плетью и вокруг

наконечника стрелы ворочалась боль; вытянулся вдоль лошадиной спины, сливаясь с ней и слушая красавкин натужный храп, искал глазами, откуда пришла стрела. По всему выходило, что из перелеска, узким клином врезанного у подножья скал между камнем и песком. Над головой свистнуло громче ветра, и Дэвид понял, что не ошибся, что было сил поддал стремянами под бока лошади, натянул повод, уводя в лес. Глянул на стрелу; длиннее и толще обычных, но древко едва обтесано, как если бы наконечник примотали прямо на отломленную ветку, с грубым оперением. Гоблинская, надо думать.

Над ухом свистнуло снова, Красавка шарахнулась, вздыбилась, перебирая копытами воздух и землю. Стрелок был один и метил так себе. Лес станет надежным укрытием. Леса эти твари, выросшие в горах, боялись.

Объятая страхом Красавка не слушала ни стремян, ни повода, пока они оба - и лошадь, и всадник - не рухнули в кашу из снега, песка, щебенки и прошлогодней травы.

Хрустнуло древко стрелы, наконечник впился глубже, раздирая мышцы, но даже скрипнуть зубами времени не было; Дэвид едва успел вынуть ноги из стремян, придавил всем телом лошадь к земле, не давая подняться. Красавка храпела, дергала головой, косила круглыми карими глазами, но слушалась.

Нет, ну каков же дурак...

Он нашарил пистолет в кобуре. Не так уж много нужно, пара метких выстрелов прямо в глаз.

У перелеска дрогнул кустарник, выпуская врага. Гоблин был не слишком крупный, верно, отбил от своих и подждал кого-то для наживы и ужина...

Или это разведчик, и тогда он не должен уйти.

Дэвид сощурился, наводя прицел. Раненая рука мешалась, слушалась плохо, не давала опереться толком и прицелиться, Красавка рвалась подняться.

Он не сразу понял, что не камень - птица обрушилась с неба молча и тяжело, полоснула крепкими когтями по уродливой землистой морде. Гоблин взвыл, схватился лапами за лицо, густая темная кровь выступила между пальцами-корягами; с хриплым ревом замахал на птицу, готовую к новому нападению.

Выстрел остановил его на новом замахе; а через два шага все было кончено, коряжистая туша грузно рухнула на землю. Птица описала над ним круг, спустилась ниже, почти задевая крылом шишкастый посеревший череп, уцепилась когтями за подобие колчана на спине гоблина и села.

Сокол, признал наконец-то Дэвид по крепкому гнутому в серп клюву, белому охвосту и полосам через крылья. Присвистнул, как Снежка, когда учила его охотиться с соколами. Птица наклонила голову, переступила лапами, придвигаясь ближе и признавая за своего. Взмыла и закружилась низко, когда Дэвид подошел к трупу, ногой перевернул на спину. Залитая темной вонючей кровью морда была вся в глубоких рваных бороздах, нос проломлен. Снежка рассказывала, что соколы достаточно сильны, чтобы когтями оторвать голову некрупному зверю.

- Спасибо, братец, - Дэвид улыбнулся птице, подставил локоть, проверяя, пойдет ли на руку; тут напомнил о себе наконечник стрелы, глубоко застрявший в плече. Скользкое от крови сломанное древко поддавалось плохо, но выдернуть стрелу все же удалось. С виду рана была не тяжелее тех, что он получал и раньше, даже не слишком ныла, разве что рука слушалась плоховато. Дэвид перевязал ее и забыл.

Он обмотал веревкой тело, зацепил за седло и отволоч к лесу. Там прикопал, как получилось, засыпал сверху подтаявшим снегом, еловыми ветками и камнями; одной рукой вышло, прямо говоря, неважно, но все-таки давало надежду, что обнаружат не сразу, даже если хватятся искать. Следов осталось немного, гоблинская кровь быстро

густела, да еще схватилась морозцем. Красавка притоптала следы и теперь смиренно шла за всадником.

Сокол, на удивление, никуда не делся, кружил над местом короткого сражения, охотно пошел на свист и уселся на руку, крепко зацепил когтями куртку. У Дэвида был похожий в прежние времена.

- Давай, брат, - он улыбнулся птице, пригладил не слишком послушной левой рукой встопорщенные серые с черными прожилками перья. - Веди.

И вытолкнул его с руки в небо.

4. Пустой замок.

До замка добрались засветло; убедившись, что другой засады нет, Дэвид снова поехал верхом. Сокол спокойно парил высоко над ним, иногда чуть впереди, но неизменно возвращался. У него был очень похожий, думал Дэвид, запрокидывая голову всякий раз, когда искал в небе распластанные крылья. С рыжей макушкой и темно-серой с белыми проблесками спиной. Мансур, так его звали; торговцы из страны, где женщине дозволено оставлять открытыми чужим взорам только бархатно-темные глаза, а мужчины носят тюрбаны и кривые сабли, привезли выводок птиц на своем корабле... Давно это было. Поле нечаянной схватки осталось позади. Дорога до замка тянулась берегом. Дэвид хорошо ее помнил, столько верховых прогулок здесь было, пока вдвоем узнавали новый дом и земли окрест. Для обоих королевство Георга, изрядно подточенное войной и притоком бежавших из-под гнета Злой Королевы людей, были чуждо; Снежка не знала его совсем, Дэвид ощущал подобие сродства только с фермой, затерянной среди лесов и полей. Хотя не столько с ней, сколько с землей, ставшей последней постелью матери, а это не так уж много. Замок напоминал о ее убийце, даже когда родовой герб короля Георга на всех знаменах, полотнищах, ливреях и кухонных салфетках сменила снежинка маргаритка с жемчужиной в соцветии.

Они учились любить это место - камни, воду, деревья, посевы и людей - вместе, пока не проросли в него каждой жилой и костью.

Теперь здесь был единственный дом, которого они оба желали.

С моря протягивало холодом, и Дэвид плотнее застегнул ворот куртки. Красавка шла легкой рысью, чуть всхрапывала от непривычного горьковатого воздуха. Две гряды просоленных скал остались позади, и сперва стала видна каменная коса, вонзившаяся в залив, затем мост, протянутый от нее через арочные проемы к замку на одиноком скалистом выступе-клыке. Дэвид придержал Красавку, привстал на стременах, словно не хватало простора, чтобы рассмотреть.

Столько лет спустя замок сохранял свой массивный и грозный силуэт, вырастающий прямо из утеса в окружении лесов и гор. Если только потемнел, лишенный хозяйской руки и людских голосов. Медные шпили не покосились от времени, угловые дозорные башни выглядели целыми издалека.

Дэвид сморгнул пелену перед глазами, отер лоб. От волнения пересохло в горле, он нашарил в седельной сумке фляжку, глотнул воды и пришпорил лошадь.

Сердце стучало шумно, как море. А потом море стало неслышно - как только копыта Красавки стукнули о мощное полотно моста. С каждым ее шагом сердце было все громче, скоро оно грохотало во всем теле, как огромный медный гонг, гулкое эхо разносилось вместе с кровью по артериям, венам и капиллярам.

Я дома, выбивало оно в груди; я дома.

Замковых ворот больше не существовало. Он спешился, провел Красавку пустынным тоннелем под крепостной стеной. Пустынными дворами и улицами. Дикий вьюн заплел большую часть стен, его гибкие сильные побеги кое-где раскрошили известняк, облицовывающий дома простых горожан, и мраморные плиты, которыми были выложены дорожки к особнякам купцов. Ветер хлопал полупустыми ставнями над его головой, ставни дребезжали - сперва Дэвиду казалось, что жалобно, потом нашлось более подходящее слово: равнодушно. Шуршала смесь сухих листьев, паутины, песка и битого в крошку стекла, порой завивалась в плоские спирали и оседала на мостовую. Пустота звучала громче сердца; скоро Дэвид уже не слышал его, только тишина оглушительно

наваливалась со всех сторон. Тишина внутри крепостных стен и плеск моря за ними; его ни разу не было слышно во времена, когда ремесленники и торговцы на улицах начинали свою работу. Лавка кожевенника взирала на Прекрасного Принца пустыми окнами. Здесь королеве Белоснежке шили и бальные туфельки, и сапоги для верховой езды. Кузница осталась в трех кварталах позади. Кузнец Мартин мог подковать лошадь, кажется, одним взглядом и был так горд, что его единственный сын служит в королевской гвардии. Переулок кондитеров за следующим домом. Дэвид сам заглядывал сюда за печеньем под облачным кремом, таявшим во рту. Теперь здесь можно найти разве что выпотрошенные мешки из-под муки, орехов и пряностей. Что не забрали пережившие проклятие, досталось бродячим зверям, которые теперь могли пробраться в замок беспрепятственно. Даже странно, что единственная, кто ему попала на глаза, - курица, упорно выклевывавшая в щели между камнями невидимое зерно.

Птица. Он запрокинул голову, пытаясь отыскать своего случайного спутника, но сокола нигде не было; видимо, улетел, поняв, что привел человека, куда нужно...

Стук красавкиных копыт и удаляющийся стук клюва по камню - единственные живые звуки - казались чужими в истлевающем городе.

Вряд ли Регина повела хоть бровью, увидев дело своих рук. Дэвид понимал это слишком хорошо даже сквозь смесь ярости и потрясения. Как хорошо, что Снежка не видит, во что превратился их дом. Как хорошо.

В конце улицы его ждала главная площадь перед малым королевским замком.

Последнее, что он помнил, - как в ней стонал каждый камень, пока на него падали, скрежеща доспехами и сдирая стальными краями гладкий отшлифованный слой, его мертвые братья по оружию. Джек в деревне сказал, что их похоронили, когда развеялся сиреневый дым. Он даже не спросил, где могила, в которую легли безымянными и герцогские сыновья, и сыновья лавочников. Равенство, которого Прекрасный Принц так жаждал в своей гвардии, снизошло на всех.

Площадь была так же пуста, как весь город, и Дэвид стер со лба холодную испарину.

Пожалуй, у него не хватило бы достоинства распознавать скелеты по остаткам гербов на щитах и шлемах.

Он привязал Красавку к подходящей балке и пошел дальше один.

В малом замке также не было запертых ворот и дверей. Похоже, даже те, кого Проклятие удержало в границах замка, не осмеливались жить здесь, и за тридцать лет запустение въелось в каждую щель. Под ногами Дэвида хрустела обвалившаяся с потолка и стен штукатурка с выцветшей росписью. Дикий вьюн добрался и сюда.

Шпалеры со стен были сорваны, в толстом слое пыли на полу оставались следы, пыль и паутина были повсюду. В наполовину выбитые витражные стекла тянули сквозняки. Мебель была разломана, большая часть предметов интерьера исчезла. Неудивительно, если гоблины безнаказанно разоряют королевство.

Нет времени оценивать ущерб, напомнил себе Дэвид. Если эти твари не добрались до сокровищницы, все поправимо. А они не добрались. Кто бы ни управлял их жизнями здесь, в Зачарованном Лесу, он не может быть так жесток.

В детской Эммы сильнее всего пострадал потолок - Проклятие разъело его, как кислота, открывая портал в город-тюрьму в чужом мире. Но обстановка уцелела - может, потому что детские игрушки и кровать мало кому могут быть интересны. Кроме тех, кто расставил их здесь точно в таком порядке, в каком Дэвид видел их перед собой.

Плюшевый тигр. Куклы. Жираф. Лошадь-качалка. Клавесин с разошедшей крышкой.

Вряд ли на нем можно теперь сыграть. Да они и не умели - ни он, ни Снежка. Кружевной полог над колыбелью, изрядно пострадавший от дождей и снега. В колыбели на месте

вышитые простыни и одеяла. Исчезла только карусель с единорогами из голубого хрустала. Да, пожалуй, ее можно было бы выгодно продать... Дэвид усмехнулся, смахнул ладонью пыль с деревянной перекладки на бортике колыбели. Колыбель с хрустом качнулась в ответ. Он выстрегал ее, вытесал и обточил все детали, покрыл лаком сам - колыбель, которая так и не ожила. Дверцы волшебного шкафа, взломанные рукоятью вражеского меча, так и провисели безвольно с той ночи.

С Джимом такого не случится, поклялся себе в очередной раз. С Джимом не случится. Спуск в сокровищницу открывался из их со Снежкой покоев. Идти было недалеко. В цветном паркете теперь зияли дыры, да и не разобрать уже было ни узор, ни цвет. Гарет умер здесь, сразу за дверью комнаты, где родилась Эмма. По стене был размазан широкий кровавый след. Они не попрощались тогда - пока все были живы, это была дурная примета; потом уже не было времени. Дэвид задел пальцами треугольную выбоину в стене. Сюда один из черных рыцарей Регины навеки пригвоздил его названного брата. Тремя шагами дальше другой вспорол ему плечо, чудом не задев спящую Эмму.

В спальне бесполезной грудой валялись на полу бархатные портьеры, сорванные с балдахина над их кроватью. Сама кровать лишилась спинки и просела на один бок, как калека. Им понадобится новая.

В нише за кроватью Дэвид отсчитал от пола и края стены нужный камень, нажал. Тот поддался - не сразу и со скрипом, но повернулся. Рычаг был на месте и поддался так легко, будто его каждый день чистили и смазывали маслом. Если бы не пыль, оставшаяся на пальцах, Дэвид уверовал бы, что так и было. Механизм сработали гномы - задолго до рождения семерки названных братьев принцессы-разбойницы, еще при возведении замка одним из предков Георга. Уильям - так, вроде бы, его звали. Говорили, он был свирепым воином и желал превратить свой замок в неприступный бастион. Во много ему это удалось; Проклятие оказалось первым врагом, чей штурм увенчался успехом. Секрет хода в сокровищницу передавался от отца к сыну; они со Снежкой нашли его случайно, услышав пустоту за камнем, скрывавшим рычаг, когда простукивали стены, обустроивая покои для себя.

Лестница уходила в темноту. Естественного света едва хватало, чтобы рассмотреть первые две или три ступени, но ниже по стенам крепились факелы, а у него при себе была зажигалка. Дэвид осторожно спустился по первому лестничному пролету, нащупал на стене железное крепежное кольцо, вставленную в него деревянную рукоятку. Есть! Пламя горело слабо, но этого хватало, чтобы не спотыкаться на каждом шагу. Подземелье выглядело нетронутым, и это давало надежду, что в сокровищнице тоже все цело - и золотой запас, и оружие, с которым будут изгнаны гоблины и возвращено королевство.

Тусклый свет факела подтвердил, что его надежды были не напрасны.

Он выбрался наверх задыхаясь и весь в поту - с оружием и золотом в карманах; от недостатка кислорода в подземелье перед глазами плясали цветные пятна, пришлось привалиться к стене, чтобы перевести дыхание. Как он, оказывается, отвык от такого за тридцать лет комы!

Дэвид вернул рычаг на место, закинул за спину лук, укрепил на поясе ножны, примерил щит на левую руку - и рана дала о себе знать. Надо перевязать ее получше, а пока щит тоже придется нести на спине.

За дверьми он снова замер напротив места, где в последний раз видел Гарета. Он сидел, уронив голову на плечо, кольчуга на груди была разворочена двумя ударами меча, темно-красная кровь сдабривала цветной паркет. Последний страж королевы Белоснежки. Они

не попрощались тогда.

- Прости, - проговорил Дэвид. Горло стиснуло, не давая продолжить.

- Ты же не собираешься разорить корону на пышное отпевание моего пустого гроба, а, Прекрасный?

5. Гарет.

Щит грохнул на пол, краем высек искру из пыльного мрамора. Они сгребли друг друга в объятия. Проверили на прочность ребра и суставы. Прощупали плечи и спины, убеждаясь в их реальности. Вывалили каждый свой ворох вопросов, не заботясь об ответах. Смеялись. Продолжали не верить ушам и глазам - особенно глазам. Дэвид перехватил ладонью вихрастый затылок, подтянул ближе, пока не уперся лбом в лоб.

- Жив! - выдохнул он, встряхнул друга за плечи, отстранил. - Ты жив! Как?! Мы оплакали тебя! Я бы голову заложил, что ты был мертвее мертвого.

- Хорошо, что тебе не пришлось этого делать, - хмыкнул Гарет. - Жалко было бы потерять такую голову!

Дэвид рассматривал его мокрыми глазами. И наплевать. Гарет был совершенно такой, как накануне Проклятия, - жизнерадостный, с буйными светлыми вихрами; щурил близорукие карие глаза и сверкал крупными белыми зубами.

- Как? - повторил Дэвид. - Как тебе удалось спастись?!

Побратим потер переносицу.

- Толком не знаю, - ответил задумчиво. - Знаю только, что пока Проклятие прокладывало себе путь через замок, я и правда был мертв, а когда меня нашли - чудесным образом жив. И жив еще долго, хотя мои раны не затягивались, кажется, много лет. Времена года сменяли друг друга, но мое время не шло и я все не умирал. Ты побольше меня понимаешь в магии, может, у тебя найдется ответ?

- Похоже на клиническую смерть, - неуверенно проговорил Дэвид. - Но я не врач, чтобы ставить диагнозы...

- Что ставить? - Гарет Бомейн заморгал, от удивления становясь на десяток лет моложе.

- На что похоже?

- Эм, ну... - Дэвид замялся, потом рассмеялся: - Так это называется в мире, где мы были заперты тридцать последних лет.

- В другом мире? - Гарет вытаращился на него. - Так они и впрямь существуют? - он наконец-то оглядел Дэвида с головы до ног и захохотал: - Это там тебя так вырядили?! Дэвид хмыкнул. Тычки и шпильки Гарета ничуть не изменились.

- Поверь мне, это не худший наряд из возможных, - ответил со знанием дела. - Как ты нашел меня?

- Это не я - это мой сокол тебя нашел! А потом привел меня.

- Я так и понял, что птица обученная. Значит, ты живешь неподалеку?

- Мы разбили лагерь в четверти лиги отсюда, - Гарет махнул рукой, указывая направление, - но с подветренной стороны, чтобы наши запахи не доносились до гоблинов. Ты же знаешь, какой у этих тварей тонкий нюх! Оттуда мы бережем ваш замок в надежде на возвращение королевы.

- Мы? - переспросил Дэвид, загораясь от одного этого слова. - У тебя есть люди? Много? Гарету понадобилось мгновение, чтобы собраться с ответом. Дэвид понимал - о, как он понимал.

- Стража была перебита, - сглотнув, неловко произнес он, Дэвид кивнул, чтобы избавить от дальнейших пояснений. - Когда мои раны, наконец, затянулись, я собрал тех, кто владеет оружием, и тех, кого можно обучить им владеть, среди тех, кто согласился остаться, а не отправился искать защиты и приюта в других землях. Часть из них все равно вернулась. Соседние королевства так же плачевны, как наше.

- Догадываюсь. Том и Элла были с нами все это время.

- Они живы? Отлично! - побратим просиял. - Всего у меня пять тысяч человек, Дэвид. На

маленькую армию они сгодятся, конечно, но это не воины в полном смысле. Как мы с тобой.

- Это гораздо лучше, чем ничего, брат, - Дэвид хлопнул его по плечу.

- Том и Элла могут вернуться, как ты? А остальные? - настала очередь Гарета задавать вопросы. - А королева? Она в добром здравии?

- Она в добром здравии, - кивнул Дэвид, и по хитрому ответному взгляду понял, что все остальное читается в его лице, как в открытой книге. Он покусал нижнюю губу. Нет, промолчать его определенно не хватит. - Гарет, Гарет, у нас будет сын!

- О-оо!!

В следующее мгновение его загребли в объятия; будучи ниже Гарет исхитрился пригнуть его голову и потрепать за челку. Дэвид вывернулся, смеясь.

- Одна новость краше другой, - заключил побратим, улыбаясь во весь рот. - Раз уж ты здесь, и Проклятие снято... кстати, как тебе это удалось?

- Мерлин открыл один из порталов, он умеет...

- Мерлин?! - минуя правила вежливости, перебил Гарет. - Откуда он взялся? Это он разрушил Проклятие?

- Нет, - улыбнулся Дэвид. - Это сделала моя дочь. Как и было предсказано.

Снежка была бы довольна тем, сколько гордости и любви прозвучало в его голосе.

- О, ты же все пропустил! - он совсем забыл об этом; теперь, когда Гарет был жив, казалось, что он был жив все прошедшие годы. - Ее нашел Генри.

- Кто такой Генри?

- Мой внук, - ответил Дэвид, предвкушая реакцию. - Ему одиннадцать.

- Тебе рановато быть дедом, Прекрасный, - с сомнением и слегка кривясь, произнес Гарет, оглядывая его с головы до ног. - Особенно такого взрослого внука. Ты уж меня прости.

- Это долгая история, но если ты готов слушать...

- Я готов, да, но... а... Ульфрит?

Вопрос шел из самого его сердца.

- Ульфрит? А... Руби. Она здорова, - Дэвид постарался сказать главное. - Ты не забыл ее?

- Кто мог бы забыть такое лицо, - прошептал побратим. Его шальные глаза на мгновение затаили туманом.

- В мире, где мы были заперты тридцать лет, можно забыть любое лицо, - ему не удалось произнести это без горечи. Эта рана еще не затянулась - и, Дэвид подозревал, не затянется никогда. - Поверь мне.

- Рассказывай, не томи, - потребовал Гарет.

- Давай по дороге, чтобы не терять времени, - предложил Дэвид. Наконец-то вспомнил про щит, поднял его с пола и закрепил за спиной. - Покажи мне ваш лагерь. Хочу знать, на что способны твои люди. Потом отправим гонцов или птиц по всему королевству. У тебя есть еще обученные птицы?

- Найдутся, - Гарет пожал плечом. - Что ты собираешься делать?

Прекрасный принц улыбнулся.

- Увидишь.

Но сперва увидеть пришлось ему.

Когда спустились по лестницам к выходу и Дэвид с наслаждением глотнул свежего подмороженного воздуха после затхлого пропыленного воздуха подземелья, на площади перед малым замком их ждал верховой отряд из десяти человек. Семеро из них были в

плотных стеганых куртках с топорами у седла, трое - в рыцарских латах с гербами. Черного единорога на посеребренном щите Дэвид узнал сразу, два других - волк на кровавом поле и роза на белом - были незнакомы. Должно быть, принадлежали дворянам из королевства Тома. Две лошади стояли без всадника - Красавка и лошадь Гарета, Дэвид угадал ее по простому прямоугольному щиту с золотой десницей, указующей в небеса. Приглядевшись, он заметил и своего знакомого сокола, тот когтил луку седла и изредка встряхивал в воздухе гладкими заостренными крыльями.

Дэвид пошевелил плечами, устраивая щит удобнее, спустился по ступеням, под недоверчивыми взглядами. Гарет почтительно отставал, но оставался главным и жестом дал своим людям понять - все в порядке. Дэвид тихонько присвистнул - может, настоящими бойцами они и не были, но вышколил их побратим на славу.

Один из всадников спешил, стащил с головы шлем и отвесил низкий поклон.

- С возвращением, ваша милость. То-то наши порадуются.

Ваша милость! Его не называли так целую вечность. Обращение осталось в Зачарованном Лесу вместе с титулом принца-консорта - и где же еще ему было возвратиться к Дэвиду, как не дома?

- Спасибо, - он улыбнулся и вопросительно приподнял брови: - Прости, не могу тебя узнать...

- Я Арн, ваша милость, - прозвучало в ответ, - Арн Блэксмит, если такого помните.

Папаша мой служил при вашей милости оружейником.

Дэвид сощурился. В этом крепком, чуть согнутом тяжелой работой бородаче с проседью в бороде и густой шевелюре едва-едва можно было узнать вечно чумазого, как трубочист, пацаненка, еще при Георге досаждавшего всем и каждому своим желанием научиться читать и писать. Поговаривали, как-то раз отец даже выпорол его, чтобы не отвлекал ни господ, ни ремесленников от важных дел своей блажью. После побега Георга, когда раны войны были сколько-то залечены, Снежка взяла сына оружейника в числе других мальчишек полюбопытнее учиться грамоте. Некоторые пытку буквами и пером вскоре не выдержали и сбежали в свои кожевенные и сапожные мастерские, но оставшиеся проявляли достойное упорство в учении.

- Арн! - Дэвид подошел ближе, похлопал бородача по плечу, обнял. Он и не надеялся встретить хоть кого-то, кто бы его помнил. - Ох и здоровый ты стал!

- Точно, ваша милость, - смущенно пробасил тот. - А вы все такой же.

- Буквы не забыл?

- Забудешь их! - Арн хмыкнул, весело дернулись густые усы. - Дочку вот выучил, сестру тоже. Чудно, что она теперь моложе меня. Я-то, когда туман был, у бабки гостил, а они в городе остались... Простить прошу, ваша милость, - он снова поклонился, - от радости язык, как помело.

- Еще и какое, - буркнул Гарет. - Вся пыль бы в замке подмел!

Всадники грянули неуверенным хохотом, бородач покраснел, и Дэвид успокаивающе хлопнул его по спине.

- Для тех, кто не помнит и еще не догадался, - перед вами Дэвид Бернхард, наш принц-консорт, супруг королевы Белоснежки, - торжественно произнес Гарет. - Теперь, когда Проклятие спало, они нашли способ вернуться домой и полны решимости так и поступить как можно скорее. Мой принц, это твои рыцари и воины. Сэр Уильям из Пепельной Долины тебе немного знаком.

Рыцарь в доспехах с единорогом склонил голову. Лицо у него было молодое.

- Вы родились в день коронации моей жены, - медленно проговорил Дэвид, подавляя желание поежиться. Похоже, они неудачно встали на сквозняке, и под курткой все время

протягивало сыростью. - Я помню, как вас привезли на празднование Пасхи, чтобы получить благословение королевы, сэр Уильям. Вы вели себя мужественно для ваших... месяцев.

- Польщен, мой принц.

- И наши союзники из королевства Томаса и Эллы, - Гарет указал на рыцарей с незнакомыми гербами. - Сэр Говард Вольф и сэр Герарт из Фульды. Остальные - Кевин, Джейкоб, Мэтт, Ганс, Иво и Ансельм.

- Мне надо повторить, чтобы запомнить, - пошутил Дэвид. - Я рад вам, рыцари, и вам, йомены, и благодарен за помощь. Ну а теперь, когда все приличия соблюдены, - он подошел к Красавке, поправил стремя, взялся за луку седла, - едем. Я хочу увидеть лагерь как можно скорее. И выпить чего-нибудь согревающего!

Его рассказ о времени под Проклятием вышел кратким - треть не представляла интереса, треть не предназначалась для чужих ушей, и большую часть пути до лагеря Дэвид слушал. Завеса Проклятия спала примерно год назад. Точного дня никто не мог назвать, обнаружилось это случайно, когда одна из деревенских девчонок, собирая жимолость, вдруг вышла к замку, которого прежде никогда не было на берегу. Гарету потребовалось несколько месяцев, чтобы встать на ноги, но он принялся за дела, как только стало хватать сил говорить. Он разослал гонцов во все концы королевства и в соседние земли. Откликнулись все, кто мог, а когда вести о разрушении Проклятия разносились дальше, пришли и другие. Иные по одному, другие - целыми деревнями с плугами, скотом и курами, рыцари приводили своих йоменов, и армия Гарета выросла до пяти тысяч воинов...

- Я восхищен, брат, - серьезно проговорил Дэвид. - Никто не сделал бы лучше тебя.

- Я надеялся, что вы вернетесь, - неловко ответил Гарет. - И в любом случае, я обещал защищать ваше королевство.

К сожалению, вести дошли не только до нужных ушей, и осенью нападения гоблинов умножились, многие атаки не успевали отражать. Дэвид скрипнул зубами, услышав, что часть земель удержать не удалось. Они вернут все, поклялся про себя, до последнего акра.

Зиму пережили благодаря запасам земель, вышедших из-под Проклятия, прочие были разорены или выжжены гоблинами, лишь немногие поля и сады уцелели после непрестанных набегов. Пришлось забить часть скота, потому что эти твари поумнели настолько, что жгли не только поля, но и запасы сена. Однако зерно для посевов сумели уберечь.

- А теперь у нас есть надежда, что мы и засеем поля, и спокойно соберем урожай, - закончил свой рассказ Гарет.

Его лагерь оказался самым настоящим форпостом, укрепленным достаточно, чтобы выдержать не только атаку, но даже непродолжительную осаду. Дэвид одобрительно кивал, когда успевал между приветствиями, вопросами о здравии и возвращении королевы Белоснежки и заверениями в преданности оценить два ряда высокого частокола из корабельных сосен, укрепленного камнем с внутренней стороны, два уровня легких галерей для лучников с множеством крепких лестниц, по которым удобно доставить припасы, и ров с кольями вокруг лагеря - не слишком глубокий, потому что его долбили в подмерзлой земле поздней осенью, но достаточный, чтобы причинить неприятности противнику.

- И все же почему вы не укрепились в замке?

Гарет выдавил кислую улыбку.

- Дэвид, их туда не загнать. Люди верят, что место проклято.

- Ясно, - он покусал губу. - Мы это исправим.

Дэвид окинул взглядом поселение. Дома в нем сильно уступали по крепости оборонительным сооружениям и стояли плотно один к другому. И соломенные крыши - ох уж эти соломенные крыши, если займется хоть одна...

- Правду сказать, - он потер переносицу, - я устал и не прочь бы переодеться и перекусить.

- Сделаю, - улыбнулся побратим. - Идем в мой дом, я тебе что-нибудь подыщу и принесу горячего вина и хлеба. Ужин у нас общий, и до него еще добрых часа два.

В доме Гарета было просторно, просто - и при этом все хранило отпечаток аристократизма, как его научился понимать Дэвид, разумеется. Он сложил у входа щит и меч, колчан и лук. До обстановки ему было мало дела, внимание сразу привлек угольный рисунок на столе - портрет женщины. Дэвид хорошо знал изображенное лицо. Гарет никогда не делал тайны из своей любви к волчице, но Руби - Ульфрит - эта любовь причиняла почти физическую боль.

Кстати, о боли.

Морщась, Дэвид стащил куртку. В левую руку снова стрельнуло, повязка на ране пропиталась кровью. В рубашке все равно не было больше нужды, и Дэвид оторвал рукав и с глухим стоном стянул его вместе с повязкой. Подошел ближе к свету, чтобы рассмотреть - рука здорово отекала, он ощупал ее, проверяя, нет ли все-таки перелома.

- Так вот что у тебя с рукой, - обвиняющим тоном произнес Гарет за спиной. - А я все гадал, надеялся, что ушиб. И левая, разумеется. Ты не меняешься, Прекрасный. Дай взглянуть.

Он повесил на спинку кресла принесенную одежду, поставил на стол поднос с едой, смочил в чаше для умывания полотенце, промокнул спекшуюся кровь вокруг раны.

Дэвид стиснул зубы.

- Да, скверно выглядит, - Гарет покачал головой. Кровь давно остановилась, но кожа вокруг раны была темно-синего цвета. - Когда ты это заполучил?

- Утром. Недалеко от замка повстречался с гоблином, и он меня слегка подстрелил. Если бы не твой сокол...

Гарет отдернул руку и с силой ударил его кулаком в здоровое плечо.

- Ты совсем рехнулся, Дэвид? - прошипел сквозь зубы с перекошенным от страха лицом. - Ты забыл про гоблинский трупный яд?!

6. Тень будущего.

Забыл, да. Напрочь забыл о слишком многом - об осторожности, о последствиях. О трупном яде, в который гоблины окунают наконечники своих стрел, и о том, что он убивает быстро. Теперь приходилось вспоминать, глядя на жиреющих пиявок, присосавшихся к воспаленной коже вокруг раны, и медленно прихлебывая из глиняной кружки густую травяную кашу, смешанную с сырым яичным белком. Пахло от нее так крепко и терпко, что сшибало похлеще полынной настойки, которой пьянчужки обычно пробавляются в деревнях, и Дэвид, морщась, отворачивался, через силу глотая теплое и вязкое зернистое варево и вдыхая другие запахи в лекарской. По старой памяти он мог назвать многие. Мята, душица, ромашка, болиголов, ремень - травы были здесь повсюду, связанные в сухие пучки и рассыпанные по склянкам; свежие, кисловатые, резкие, тяжелые, дурманящие запахи кружились вокруг хозяйки-лекарки, споро и безжалостно крошившей в мелкую стружку размоченные в теплом вине коренья и стебли птичьего горца, подорожника и чеснока, чтобы сделать из них лепешку для перевязки. Для удобства лекарка закатала рукава, мелкая травяная крошка летела ей на передник. В ее владениях было светло, сухо и очень чисто, мягко потрескивал медленный огонь в очаге, над которым сушился первый весенний урожай - щавель, мать-и-мачеха, папоротник-орляк, едва-едва проклюнувшаяся бледная зелень.

- Допивай давай, - напомнил Гарет.

Он не переставая кусал нижнюю губу - то от левого, то от правого уголка к середине и обратно, напряженно хмурился и бдил, кажется, не просто за каждым движением, но и за каждой мыслью друга.

- Допиваю, - покорно вздохнул Дэвид, сделал еще глоток. Оставалась примерно треть кружки.

Еще одна пиявка насосалась, дернула хвостом и отвалилась, с противным влажным хлопанием сползла в подставленное ведро.

Дэвид пошевелил пальцами. Они слушались намного лучше, и кожа вокруг раны перестала быть пугающего черно-синего цвета, а отек явственно спадал.

Лекарка отвлеклась от крошева стеблей и кореньев, подцепила из банки с мутной болотистой водой скользкого извивающегося червя и усадила на руку Дэвида, поближе к круглой ране, где еще ощущался близко запах крови. Длинное кольчатое склизкое тело вильнуло, примериваясь, и пиявка присосалась к коже.

В рану кольнуло, и Дэвид поморщился. На воспаленной коже укус вышел более чем чувствительным, но вскоре это прошло. Лекарка протерла руки влажным полотенцем. Лицо у нее было молодое и серьезное, как и полагается мастеру за делом.

- Это последняя, - в голосе у нее, впрочем, звучало подобие ободрения. - Повезло, ваша милость, что рану обнаружили сегодня. Иначе к утру были бы вы, как эти, - она качнула носком кожаного домашнего башмака деревянное ведро, в котором, слабо трепыхаясь раздутыми белесыми телами, издыхали пиявки, насосавшиеся отравленной крови.

- Хотя, - лекарка задумчиво пробежалась по нему взглядом, и в ее глазах мелькнуло веселье, - пожалуй, к следующему вечеру!

Звали ее Грета, и она доводилась сестрой бородачу Арну - той самой, что попала в безвременье в замке под Проклятием. Теперь она годилась младшему брату в дочери. У нее был звонкий голос, уверенные руки с широкими ладонями, а волосы такие же буйные, как борода Арна, и на время работы лекарка прятала их под плотную полотняную косынку.

Сытые пиявки отвалились одна за другой, Дэвид усилием воли заставил себя допить

лекарство. Чем больше оно остывало, тем противнее становилось на вкус. Рана снова закровила, пожалуй, даже слишком, но разжиженная слюной пиявок кровь была здорового ярко-красного цвета. Гарет тоже заметил это, и на его лице промелькнуло облегчение.

Грета между тем замешала получившуюся смесь трав и кореньев с медом, раскатала в лепешку на узкой полосе шелковой ткани и ловко перевязала руку Дэвида. Рану чуть припекало, но и только.

- Может тошнить, - предупредила лекарка, - так что постарайтесь не есть слишком много за ужином. Утром нужно будет перевязать, ваша милость, вы уж не забудьте.

Дэвид кивнул. В другой раз, может, он бы и забыл, но сейчас было не время. И потом единственный врач, чьи указания он бы с удовольствием пустил мимо ушей, - это Вэйл. Занятно, но здесь Дэвид даже не мог вспомнить его лица.

- Спасибо, Грета.

За ужином и впрямь слегка мутило, слегка клонило в сон от тепла, вина, сытости и усталости, но на этом неприятные последствия закончились. Йомены, что были с Гаретом в замке, уже разболтали подслушанное по дороге, к костру подтянулась половина лагеря, и теперь Дэвида одолевали расспросами со всех сторон - правда ли, что Проклятие сокрушено Спасительницей, правда ли, что Спасительница и есть взрослая принцесса, правда ли, что королева скоро вернется, что другой мир совершенно не похож на Зачарованный лес и что он свободен от магии... Иные спрашивали о родне; одним Дэвид сообщал радостные вести, других - надеявшихся, что кто-то из королевской гвардии чудом остался жив, - утешить было нечем. Уцелели принц-консорт и капитан Бомейн. Дэвид знал, что сейчас - именно сейчас - побратиму так же неловко за это, как ему самому.

С опаской спросили о Регине. Нет, рассмеялся Дэвид, она нашла себе новую игрушку, ей не до Зачарованного леса. Да и королевство не ее. Впрочем, то, второе, тоже не ей принадлежит, и значит, за него тоже придется побороться...

За разговорами дурнота окончательно прошла, вяленая оленина, вымоченное в молоке и тушенное с пряностями и овощами мясо кабана под холодное хлебное вино пошли лучше. Он едва не забыл подвести часы между тостами над общей чашей, пущенной по кругу, за павших и выживших, за возвращение королевы и победу. С непривычки от вина быстро повело, веки сделались свинцовыми; спасаясь от сокрушительного сна, он начал петь со всеми шутивную балладу со слов: "*Спустилось солнышко в овраг. В страну идет старинный враг, ведет бесчисленную рать...*" (1), потом вдруг оказалось, что изрядно развеселые и хмельные уже вразнобой тянут середину:

*И тут же армия врага
На нас обрушила снега.
Река — под ледяною кровлей.
Как быть отныне с рыбной ловлей?
Но мы, злодею на беду,
Прорубим проруби во льду... (2)*

Окончательно же его встряхнул дружный смех, которым перебивалась каждая строчка допеваемой разухабистой деревенской песни про ловкача-подмастерье:

Когда с твоею дочкой

Недурно мне спалось! (3)

- Тихо вы, черти, - над ухом проворчал Гарет, и Дэвид понял, что уснул, подперев лбом его плечо; встряхнулся, пока побратим смущенно договаривал: - Будет с вас!
- Пусть их, - Дэвид выпрямился, крепко протер ладонью лицо.
- *Но тут явился трактирщик вдруг и для умноженья доходу смешал и вино и воду*(4), - притворным басом пропел Гарет, щедро плеснул воды в чашу принца-консорта, и Дэвиду ничего не осталось, как вылить все в огонь. Пламя возмущенно зашипело, метнулось было прочь - и вновь алчно набросилось на поленья, обласканные вином, заплясало по ним, как танцорка по канату.
- Дэвид забрал у побратима ковш, опрокинул себе на голову и за шиворот.
- Уф, - он рассмеялся, уже менее осоловелый, чем несколько минут назад, - уже и забыл, как оно бьет в голову! Хорош главнокомандующий...
- Ай, брось, - Гарет отмахнулся. - Ты когда пил-то в последний раз?
- Дай подумать... тридцать лет назад?
- Гарет фыркнул, всхотнул не по-благородному.
- Как рука?
- Дэвид пошевелил пальцами.
- В порядке.
- Ваша милость, - бородач Арн пробрался к ним между поваленных бревен, служивших сиденьями всей компании, - Гретхен тут передала вам лекарство да наказала выпить все до капли.
- Наказала, - передразнил Дэвид, заглянул в миску. Она полна была той же противной теплой кашницей, которой его отпаивали при перевязке. - Смотрите-ка...
- Уж не прогневайтесь, ваша милость, - брат лекарки развел руками. - Ее дело врачевать.
- Какой тут гнев, - Дэвид забрал миску, принялся медленно, мелкими глотками пить варево. - Поклон передавай сестрице. И, раз уж ты здесь, Арн, окажи мне услугу. Отыщи сэра Уильяма, сэра Говарда и сэра Герарта и попроси прийти в дом к сэру Гарету. У меня есть для них занятие.
- Сделаю, ваша милость, - бородач поклонился и вернулся в толпу.
- Гарет проводил его недоуменным взглядом и обернулся к Дэвиду:
- Сейчас?
- А когда же? - он хмыкнул, поднялся на ноги и направился к дому чуть в стороне от остальных, на ходу запивая - или, точнее сказать, закусывая ужин травяной кашницей.

Рыцари прибыли быстро, едва хватило времени прикончить лекарство, зажечь светильники и расчистить место на столе. За затянутыми рыбьими пузырями небольшими окнами костер и дым над ним виднелись неясными пятнами.

Сэр Уильям поклонился, дворяне из королевства Тома ограничились почтительными кивками.

- Карту, - велел Дэвид, не глядя забрал протянутый сверток из рук Гарета, разложил на столе и закрепил края под подсвечником, кинжалом и тяжелыми фолиантами. Жестом пригласил рыцарей подойти ближе.

Лица всех троих выражали недоумение.

- Господа, у нас мало времени, - заговорил негромко. - По дороге к замку на меня напал гоблин-лазутчик. Я убил его и постарался спрятать следы, но его быстро хватятся, лазутчики наперечет по любую сторону. Неважно, найдут ли тело, достаточно и пропажи. Пошлют сперва малый отряд, который мы разобьем, если нам повезет - то еще

один, если не повезет - выступят. Как далеко они стоят, Гарет, и сколько их?

- Здесь, - побратим обмакнул перо в чернила, наклонился ближе к карте, наметил линию на юге. Дэвид глазом смерил расстояние. - Тысяч, наверное, двенадцать...

Почти трехкратное превосходство, отметил он про себя.

- Примерно в трехстах милях?

- В двухстах восьмидесяти пяти, - уточнил Гарет. - Маршем они пройдут это расстояние примерно за трое суток.

- За двое, им почти не нужен отдых, - ввернул сэр Говард. - Еще два, пусть три дня на малый отряд...

- Если они не двинут сразу за ним все войско, - кивнул Гарет.

- Из-за одного лазутчика? - полный сомнений голос сэра Уильяма звучал совсем молодо. - Не думаю.

- Они поумнели, - вздохнул сэр Герарт. - И знают о нашей маленькой армии. Не знают только, где искать.

- Хорошо, - Дэвид прикрыл глаза, просчитывая. - Положим, что у нас пять дней.

- Пять дней? - настороженность сделала лицо сэра Говарда похожим на ястребиное. - Вы хотите дать им бой, Ваше высочество? Здесь?

- Именно это я и собираюсь сделать.

- Они пройдут почти через всю страну, брат, - предостерег Гарет.

- Мы не можем выступить, - Дэвид покачал головой. - Нас слишком мало, и многие недостаточно обучены. В замке мы можем укрепиться.

- При всем уважении, мой принц, - сэр Уильям невесело улыбнулся, - люди боятся замка и Проклятия, лежавшего на нем.

- А вы, сэр Уильям?

Лорд Пепельной Долины на мгновение растерялся.

- Вы командуете, мой принц, - ответил наконец. - Я подчиняюсь.

Дэвид ободряюще улыбнулся.

- От города отходит двенадцать дорог, по ним мы отправим двенадцать гонцов, каждого в свой час, начиная с рассветного. Не дольше двух дней в пути, чтобы успели оказаться в замке до главного удара. Никаких донесений, только на словах во все поселения по пути - что возвращается королева и что *время убить волка*.

Побратим сверкнул шалыми глазами, узнав боевой клич, и тут же нахмурился.

- Уильям прав, брат, - напомнил осторожно.

- Их королева возвращается, Гарет. Не нужно в них сомневаться. Не все боялись Проклятия тридцать лет назад, не все и теперь испугаются.

Он потер переносицу и вернулся к карте.

- Здесь три главных дороги. Сэр Уильям, сэр Говард, сэр Герарт, вы возьмете своих йоменов, выступите вперед на двести миль. Выпустите к нам птиц, как только покажется основное войско, и будете отступать с малыми боями, не давая им расползтись во все стороны и разорить тех, до кого не успеют добраться наши гонцы. Обратно жду всех живыми.

Ястребиное лицо сэра Говарда ожесточилось.

- При всем уважении, Ваше высочество, я подчиняюсь другому королю.

Дэвид кивнул, глядя ему прямо в глаза.

- Я не оспариваю вашей преданности, сэр Говард. Нам нужен плацдарм, господа рыцари. Вашему принцу, сэр Говард, нужен плацдарм, которого сейчас нет. Как и леди Александре, его дочери и вашей принцессе. Послужите им, сражаясь со мной рядом.

- Леди Александра, - медленно повторил рыцарь; сэр Герарт из Фульды рассмеялся,

хлопая его по плечу.

- Гоблины и тролли не знают усталости, - сказал после, - но они тяжелые. Дороги подтаяли, но уже подсохли; если их снова размочит...

- Что же, - Дэвид глубоко вздохнул и скрестил руки на груди. - Помолимся, чтобы Бог дал нам дождей.

Примечание к части

(1), (2) - немецкая баллада "Старинное предсказание близкой войны, которая, однако, окончится весной" в переводе Л. Гинзбура.

(3) - немецкая баллада "Хозяин и подмастерье" в переводе Л. Гинзбура.

(4) - немецкая баллада "Про воду и про вино" в переводе Л. Гинзбура.

7. Обещание прошлого.

Снег сыпал в глаза, пока конь мчался через лес, на поворотах плащ цепляли полуголые ветки, оставляли себе мелкие клочья ткани, словно надеялись приодеться. Земля подернулась тонким хрустящим льдом, как бывает ранней весной, покуда ее шатают от заморозков к оттепелям, и копыта грозили оскользнуться всякий раз, когда дорога уводила в сторону, а он все понукал коня. Нельзя упустить ни секунды.

Зеленый камень в кольце матери брызгал искрами все чаще и ярче, обозначая близость цели.

Но эта прекрасная, непостижимая и отныне недостижимая цель покоилась в хрустальном гробу, перевитом побегами плюща и окованным ветвями из черного серебра. Гномы во все века славились своими умениями, они и теперь не подвели; даже под невзрачным небом граненый хрусталь пропитан был светом на всю глубину.

Преломляясь, пойманное и впитанное солнце розовым отсветом ложилось на белоснежную кожу - и она казалась румяной, как у живой.

Вот я и нашел тебя, подумал он, и тебе не придется искать в ответ, закончились наши пересменки; теперь-то я уж точно не потеряю тебя. Дальше терять некуда.

Выходит, колдун солгал ему.

- Ты слишком опоздал, - один из гномов мрачно глянул исподлобья - и хватило. Они сгрудились вокруг гроба всемером, потерянные человечки без настоящего. Он и сам был таким же потерянным человечком, барахтающимся в своем горе без дна и края.

- Дайте нам попрощаться.

Так и сказал - "нам", не отделяя живого от мертвой.

Гномы переглянулись; осанистый с посеревшей от седины бородой медленно кивнул, и крышку со скрежетом сдвинули, зашуршали, цепляя друг друга, стебли плюща...

У нее не было лица - только плоская бесцветная маска в обрамлении чернящих волос, и несколько жутких мгновений он гадал, что за колдовство подпущено в память, пока не понял - дело не в памяти.

Не только в памяти.

Зашептались гномы, схватились за топоры и кирки, потянуло холодом и затхлым дымком, какие обычно тянет за собой зло. Воздух склубился, сплотился в женскую фигуру — и ярость накатила красной волной, перевернула небо и землю.

- Что ты с ней сделала?!

Он уже кричал это, одуревая от боли, безысходности и страха в подземелье, когда понял -стряслось непоправимое; собственное сердце мелко трепыхалось, замирало через раз, не давало дышать.

- Что ты с ней сделала?!

- Убила и съела, — Злая Королева пожала плечами. — Нет, просто убила. И забрала ее прекрасное личико — уж слишком оно прекрасное. А в чем дело? Недостает истинной любви, чтобы вспомнить, каким оно было?

Ведьма смеялась - между кроваво-красных губ ослепительные зубы, между зубов - кроваво-красный раздвоенный змеиный язык, смеялась, пока он не вцепился ей в горло, загоняя пальцы под трахею, пока не хрустнули хрящи, дернул что есть сил на себя — и ему в лицо брызнуло теплым и темным...

Нет, не дернул. Его пальцы разжали по одному, хотя в ладони еще осталось ощущение чужого круглого горла, а когда он наконец-то очнулся совсем, рядом кто-то задышался, надсадно хватал ртом воздух, - и Дэвид взвился с постели, вспомнив, где находится.

- В порядке, - между приступами кашля выдавил Гарет. - Я в порядке.
Его прошибло всем разом - облегчением, холодом, жаром, страхом. Удушьем тоже, а потом слабостью, такой, что, казалось, сейчас позвоночник надломится.
Дэвид спустил ноги с постели, уперся локтями в колени, свесил голову вперед.
- Ты орал во сне, - просипел побратим. - Я хотел растолкать, пока ты всех не перебудил...
- Прости, - тихо сказал Дэвид, взял со стола деревянный ковш, босой по холодному полу прошел к кадке с водой в углу, зачерпнул и пил долго и жадно, захлебываясь, как измученное жаждой животное.
Гарет за его спиной затеплил лампаду, открыл окно. По голой спине протянуло бодрящим сквозняком.
- Это не ты, это яд, - побратим кашлянул, попробовал дышать. Уважительно воззрился на Дэвида. - Ну силищи в тебе, Прекрасный!
- Прости, - полумертво повторил Дэвид. Пустил ковш плавать в кадке, вода плеснула, поймав отсвет, и замерла; он уселся на ближайшую скамью, обеими руками зачесал волосы к затылку, сцепил пальцы на шее.
- Что это было? - спросил Гарет. - Ведьма?
Дэвид длинно выдохнул.
- Да. Не знаю, пройдет ли когда-нибудь насовсем желание ее убить, - он кисло улыбнулся. - И Снежка. Без лица. Так жутко... хотя у нее ведь и правда не было лица. Ни у кого из нас там не было лица.
Гарет молчал, неловко держался за оконную раму, вместо стекла затянутую бычьим пузырем.
- У меня тоже кошмары бывают, - наконец, сказал тихо. - Иногда кажется, я навсегда остался припильленным к той стене, как бабочка на игле... Ложись спать, брат.
Дэвид потряс головой, поднялся, подошел к кровати и потянулся за рубахой в изголовье.
- Я сегодня не засну уже.
Побратим понимающе кивнул.
- Может, прокатимся?

В сених Гарет не особенно любезно распинал своего оруженосца, верзилу Ноддо. Тому, впрочем, пинки были нипочем, зато будили от молодого крепкого сна. Имя подходило хозяину, как родное. Этот рослый увалень с изъеденным оспой веснушчатым лицом медленно соображал, едва говорил после того, как нападение гоблинов на родную деревню оставило его сиротой, зато отлично управлялся с дубинкой и силен был в свои четырнадцать, как бык. Гарет уже уступал оруженосцу в росте на добрых полфута, Ноддо стеснялся этого и ходил, втягивая голову в плечи и сутулясь. Вместе они являли странную парочку, но Дэвид привык с первого взгляда.
У него тоже был оруженосец. Ланцо, так его звали; старательный мальчишка, прибившийся к ним в одной из деревень на границе, откуда повстанцы под знаменем королевы Белоснежки вышибли войска Георга. Господи, тогда даже не было времени подумать, праведен ли избранный путь; они спасали жизни друг друга и свою неокрепшую любовь, а вокруг содрогались в гражданской войне королевства.
Дэвид сперва не обращал внимания на тихого, но упрямого пацаненка, потому-то и упустил, когда он стал незаменимым. Ланцо прирезали на главной площади, как всех, кто встал между Злой Королевой и Спасительницей, еще не обтертой от околоплодных вод. Ноддо, зевая и почесывая шею, вывел из стойла оседланных лошадей для господ. Сонно поморгал, наблюдая, как дозорные закрыли за ними ворота, и направился досыпать. За воротами лес дышал влажной темнотой, сплетал над всадниками черные ветви на уже

пробившемся синевой небе. До рассвета, верно, оставалось не больше двух часов.

- Поехали до замка, - предложил Дэвид.

Они добрались как раз к рассвету. Каменный гигант еще спал, распластавшись над морем от берега до скалистого выступа, но первые розовые лучи уже спустились по склонам гор и робко ласкались к нему. Это летом солнце, едва показавшись из-за вершин, набрасывалось на город-крепость с голодным неистовством, торопливо пробиралось в каждую трещину и выбоину в камнях, а после до вечера слепящим утомленным пятном растекалось по заливу. А может, таким было только первое - и единственное - лето, которое они провели здесь, как муж и жена.

- Я совсем забыл все это, - Дэвид улыбнулся, тронул шпорами Красавку, направил на мост.

- Нравится? - хмыкнул Гарет. Сокол когтил его кожаный наплечник и крутил кривоклювой головой, высматривая чужаков. Хозяин снял его с плеча, отпустил в небо.

- Спрашиваешь!

Замок уже не казался пыльным склепом, как вчера, - просто пустынным спящим городом, который ожидал, когда его коснется дыхание новой жизни.

Они спешили, привязали лошадей, дали им по яблоку, чтобы не слишком скучали. Дэвид намеревался осмотреть крепостные стены, бойницы, угловые башни и особенно - галереи для лучников. Камень почти не пострадал от времени, лишь несколько ступеней подкрошились по краям на лестницах и покрылись мелкой сеткой неглубоких разломов, но стояли по-прежнему крепко, как поставили их в незапамятные времена строители короля Уильяма; а вот галереи в башнях и вдоль крепостных стен нуждались в восстановлении. Деревянные настилы и заслоны над ними рассохлись, доски частично обвалились или были близки к этому по всему периметру, подъемные механизмы в башнях никуда не годились - шестерни в них проржавели, а веревки прогнили. Камнеметы предстояло соорудить заново, как и сколотить бочки, чтобы поливать атакующих кипятком...

- Да у нас тут полно работы, - довольно заключил Дэвид. - А по берегу нароем волчьих ям, если земля уже достаточно смягчилась...

Он запрокинул голову, развел руки, подставил лицо и ладони проснувшемуся солнцу. Тепло пролилось сверху прозрачным золотистым потоком и осело на коже.

- И мы жили без всего этого, - проговорил недоверчиво, зажмурился, потряс головой.

Потом задумчиво оглядел расстелившийся внизу мост.

- Как думаешь, братец, - спросил медленно, - если мы дадим им как следует увязнуть в замке, а дворяне Томаса со своими йоменами подождут с берега, - сколько их взойдет на мост? Всех загоним?

Гарет прикусил губу, сощурился, высматривая пространство от крепостных стен до края леса.

- Можем и всех, пожалуй. Что ты задумал?

- То, в чем мне поможет греческий огонь.

Побратим всхотнул.

- Греческий огонь - это всего лишь сказки, Прекрасный!

Хмыкнув, Дэвид ткнул его кулаком в грудь.

- Поверь мне - нет.

Гарет возвел очи горе.

- Ты чокнутый.

- Это благородное безумие, - поучительно ответил Дэвид.

- В любом случае, я увяз в этом по уши, - Гарет философски пожал плечами.

- Бедняга, - без намека на сопереживание почувствовал Дэвид. - Идем, посмотри, стоит ли укрепляться в малом замке.

В галерее, где они оба обнялись со смертью, шутки сами собой сошли на нет. Гарет приостановился у входа в спальню, где родилась Эмма, пальцем провел по зарубине, оставшейся в стене после того, как его пришили к ныне выцветшим фрескам, как бабочку.

- Не думал, что когда-нибудь снова окажусь здесь, - произнес глухо. - До сих пор помню, каково быть нанизанным на чужой клинок.

Дэвид кивнул.

- Мне тоже страшно, - признался, помолчав. Откашлялся и продолжил бодро: - Когда начнем восстанавливать замок, я хочу оставить все как прежде. Хочу, чтобы старая детская стала новой, а не превратилась в мемориал всего того, чего у нас с Эммой уже никогда не будет. В ней должно было быть место радости - оно там и будет...

Он не договорил - заметил тусклый блеск на стыке двух каменных плит, подошел ближе, инстинктивно наклонился рассмотреть.

- Не может быть, - прошептал потрясенно. - Не может быть...

- Что там, Прекрасный? - окликнул Гарет, подошел ближе.

Дэвид уже поднял его - знакомо тяжелое, потемневшее, заросшее ржавым налетом почти по всему диаметру, - показал на раскрытой ладони.

- Я думал, оно потеряно.

Он выбросил лживое кольцо, скреплявшее навязанный брак Дэвида Нолана, кольцо Снежки чудом осталось с ней, но его собственное - простое и широкое, без вензелей и инициалов, сработанное гномами из сплава железной руды, взятой из скалы под тролльим мостом, и черненого серебра, оплетавшего хрустальный гроб самой прекрасной на свете, - его собственное пропало вместе с памятью об истинной жизни.

Выходит, оно ждало хозяина, как земля ждала своих правителей.

- Добрый знак, - сказал Гарет.

- Да, - Дэвид сжал кольцо в кулаке. - Добрый. Теперь все получится. Теперь точно.

Непривычный шум заставил их встрепенуться, выгнал на первый же балкон.

Из-за гор в низину над заливом нагнало тучи, и тяжелые клубы их неторопливо сеяли крупные холодные капли - сперва редкие, потом все гуще и гуще.

- Дождь пошел, - прошептал Дэвид.

И улыбнулся.

Примечание к части

Ноддо, нем. - "нужда".